

В
4-349

А. ЧЕГЛОК

ПО АВСТРАЛИИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

УТКОНОС

ИЗД-ВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА МОСКВА-1925-ЛЕНИНГРАД

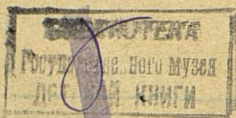
Пров. 1969

4-349

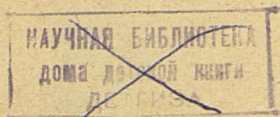
УТКОНОС

~~Н1026~~

~~1967-68 г.~~

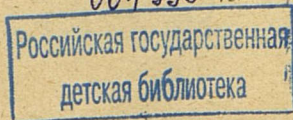

11167

Главлит 25.883. Тир. 5.000.

Тип. Изд. МГОПС „Труд и Книга“. Б. Якиманка, 32.

664935 кх - ред

По приезде в Сидней я прежде всего отправился осматривать ботанический сад.

Конечно, после Индии и ее садов он не мог удивить меня роскошью и пышностью растительной жизни. Но зато виды с него на бухту и противоположный берег с хвойными рощицами, хорошенькими домиками,— удивительно красивы.

Невысокие деревья, аккуратно обрезанные кусты вдоль дорожек, ровно-остриженная зеленая травка на лужайках,— все это говорило больше о людском усердии, чем о той буйной силе юга, где весь труд человека заключается в том, чтобы ограничить эту силу и дать возможность расти только тому, что нужно.

Но в то время, как, например, в ботаническом саду Калькутты человек чувствует себя, как муравей в лесу, не имея возмож-

ности охватить одним взором большое пространство,—в ботаническом саду Сиднея взор проникает всюду далеко, особенно на верху склона.

Там, после осмотра сада, я и выбрал себе скамеечку, чтобы любоваться на сосновые рощицы и пароходики, ежеминутно бороздившие голубую бухту.

По моему же пути направлялся молодой мужчина в грязном засаленном костюме. В нем я издалека узнал своего соотечественника.

И я не ошибся.

Он подошел ко мне и, поднимая шляпу, сказал:

— Имею удовольствие видеть в вас русского?

— Очень рад,—ответил я, подавая ему руку.—Садитесь, пожалуйста. Для меня это приятная встреча! Кажется, в Сиднее живет мало русских?

— Да, в городе мало. Все больше на фермах. А здесь живут только те, которые знают какое-нибудь ремесло.

— А значит, и вы работаете на каком-нибудь заводе?—спросил я его.

— Нет, какие в Австралии заводы! Австралийцы получают все из Европы. Здесь только баранов разводят. Вот их, действительно, здесь много.

— А! — протянул я,—а мне показалось, что вы человек труда!

— Почему?—спросил он быстро. Потом покраснел и сам же ответил:—Одежда, действительно, плоха у меня. Но вы не думайте, что я нуждаюсь в вашей помощи.

— Ну, зачем вы так плохо думаете обо мне. Я отнюдь не склонен видеть в каждом бедно одетом человеке попрошайку.

— Нет, уж я знаю, что богатые люди, как увидят бедного, так сейчас карман свой зажимают! Только я не беден. Я не успел разбогатеть, это верно, но я надеюсь, что скоро и это исполнится!

— Вот как? Радуюсь за вас, а то мне приходилось встречать в Австралии много русских, которые все никак не могли устроиться.

— Да, здесь деньги с неба не сыплются! Раньше, говорят, легко было разбогатеть,— ну, а теперь не те времена!

— Но все же вы говорите, что вы сумеете разбогатеть, а вы совсем молодой.

— У меня это дело случая. Я тоже два с половиной года здесь бился, бился, а толку никакого не выходило.

— А можно узнать, чем вы занимаетесь?

— Всем, чем придется. Здесь приезжие берутся за все, что попало. И я тоже перебывал на всех работах!

— А какую вы теперь работу исполняете?—задал я ему вопрос.

— Я... теперь...—как бы в замешательстве сказал он. — Теперь-то я на пароходах работаю. Уголь грузю.

— И вы находите, что эта работа лучше других?—удивился я, мысленно представляя себе вереницы живых тел, покрытых густым слоем угольной пыли, с тяжелыми корзинами угля на плечах, поднимающихся по круто положенной доске на пароход и сбе-

гающих вниз и опять поднимающихся, чтобы насыпать углем глубокую яму в трюме...

Тяжелая, изнурительная работа среди облаков черной пыли, от которой пассажи-ров всегда тщательно оберегают, закрывая все окна и двери!

И вдруг эту грязную, тяжелую работу мой собеседник находит лучше всякой дру-гой.

— Нет, не лучше,— ответил он.— Я испол-няю эту работу временно, чтобы заработать на дорогу.

— Но ведь вы сказали, что вы успели разбогатеть. Неужели на этой работе?

— То есть, я еще не разбогател, но знаете русскую поговорку: „Нет денег перед день-гами“. Так и у меня. Я теперь вынужден взять эту работу, чтобы иметь небольшую сумму.

— А, понимаю, вам не хватает денег для оборотов какой-нибудь торговли.

— Не совсем так!..

— Ах, простите тогда мое любопытство! Мои расспросы могут быть вам неприятны.

— Нет, отчего же! Вам, пожалуй, я могу сказать. Я сделал одну находку. Тысяч десять, а то и все двадцать могу получить за нее. А пока, вот видите, приходится уголь грузить. Ну, да теперь-то ничего. А вот по первоначалу, как приехал сюда, долго носом крутил,—все искал работы полегче. А теперь вижу, что тут не то, что у нас в России: всякая работа тяжела!

— А можно узнать, что вы нашли? Слиток золота или драгоценный камень?

— Эх, зарок я дал никому не говорить, пока не продам. Все боюсь, как бы у меня не украли. Ну, да вам-то отчего не сказать—может быть, посоветуете, как мне подороже эту вещь сбыть.

— Отчего же, конечно, с удовольствием, если я смогу вам помочь своим советом. Только заранее должен сказать, что в коммерческих делах я ничего не понимаю.

— Да, а тут дело тонкое! Нужно хорошо обмозговать, а то нашего брата в одну минуту околпачат!

— Но что же вы такое нашли?

— Нашел? Нашел то, что если бы мне кто сказал про это,—то я позвал бы полицейского и в сумасшедший дом бы того человека отправил. Такое чудовище, такое чудовище, что даже в сказках про него не говорится!

— Это интересно! Какого же вида оно?

— Да уж такое интересное, что и рассказать невозможно. Иной раз подумаешь, вернусь в Россию, стану нашим мужикам рассказывать—засмеют. Право слово,—засмеют. Да что они—я много видов на белом свете видывал, а и то засмеял бы каждаго, ежели бы сам не поймал его!

— Как же вам удалось поймать это чудовище?

— А поймал-то я его хитро! Верст за двести, должно быть, отсюда.

Работал я на ферме, хозяин был нудный. Стоит над душой,—вдохнуть не дает. Закурить папиросу или так слово сказать,—ни боже мой!

За каждым следит, кто за день сколько раз чихнет. Сговорились мы все и оставили

его,—пускай сам попробует, каково на пекле целый день работать.

Пошли-то мы сначала гуртом, а потом все разошлись—один в одну сторону, другой—в другую.

Остался я так один и решил итти до маленького города Гоура. Ребята сказывали, что там заработок хороший.

Только не вышло с этого толку.

Какая там может быть работа, когда там и народу нет? Пустыня—одно слово! Повернул я обратно.

Сколько раз было так, что думаешь: здесь лечь и помирать или подальше где?

Вспомнился тут мне один фермер; хорошо он жил,—прямо на глазах у всех богател. Спросил я его, почему ему такое счастье привалило? А он засмеялся и сказал:—А потому, что мне оно без надобности!

И вот как верно он это сказал! Тогда-то мы все говорили, что бахвалится он, а когда лег на землю, собираясь умирать, и вспомнился мне опять этот фермер: верно он сказал!

Поглядел сторонкой на свою жизнь и увидел, что чем больше я гонюсь за деньгами, тем больше мук принимаю.

Всю жизнь свою я так мимо себя пропустил, и пожалел я о своей слепоте.

Ежели бы снова начинать ее, по-иному поступать нужно было бы!

Лежал я так, лежал да думал свои предсмертные мысли, только чувствую, что не так мне тяжело, как раньше, и могу опять идти. Значит, нету мне еще смерти, подумал я, встал и пошел.

Версты через две или три лужицу нашел. Напился я и совсем отошел.

Утром огляделся, вижу: здесь—река сухая. Пошел я по ней. Все-таки хоть мало воды в них бывает, а фермы ближе к ним строятся.

Была у меня и еще одна думка: нес я с собой леску и крючки.

Думаю: найду большую лужу, буду рыбу ловить. И, действительно, дня через два набрел я на большую заводь.

Райское место, да и только! Кругом воды деревья высокие, казаурины ¹⁾. По берегу трава, и в воде тоже много разной травы.

Думаю, — здесь уж, наверно, я себе рыбку четверти в две поймаю!

Нашел я хорошую ракушку, разбил скорлупку и насадил ее на крючок.

Забросил далеко, на всю леску. Пускай целую ночь остается, — а сам отошел подалее от этого места, чтобы рыб не пугать, и лег спать.

Замешкался я утром, холодно мне стало, я и начал огонь разводить, чтобы согреться.

Потом иду я к своей леске, взял ее в руки, потянул, слышу, — попалась добыча. Стал я подбирать полегоньку. Чувствую, что попалась хорошая добыча, — так и водит.

Ну, да мне не впервой — дернет сильно, и я отпущу немного, а потом опять за свое принимаюсь.

---

¹⁾ Деревья, напоминающие нашу лиственницу, но имеющие более длинные и тонкие листья — вроде травки — отсюда их чаще называют „травяными деревьями“.

Водила, водила она меня, истомила в конце. Сердце-то охотничье, горячее, все думаю: какая же это у меня добыча? Как бы мне не сплеховать! Дельно нужно взять. Руки стали дрожать от нетерпения, а боюсь сразу потянуть, чтобы леску не порвать.

И что ни ближе подвожу к берегу, тем сильнее беспокойство мое растет.

У рыбаков для крупной рыбы сачок всегда имеется. Как рыба подошла к берегу, так сейчас сачок подведут под нее и вытянут сачком. А у меня, кроме лески да крючка, ничего не было.

Как тут быть?

Придумал я в воду войти по колено, а как подведу ее близко, так руками в воде схвачу или ногой придавлю.

Отпустил я леску, вошел тихонько в воду, подождал маленько, чтобы не испугать.

И что же вы думаете? Я то хотел ее в воде взять, а она как выскочит на берег и—марш, марш!

От удивления я и леску выпустил.

Вижу я, что попалась мне не рыба, а зверь.

Выдра, — подумал я, — али норка! Бросился я за ней, придавил ногой...

А она как захрипит да поднимет свою морду ко мне, у меня сердце так и заглодело.

Случись эта история со мной вчера вечером — совсем бы я обмер!

Ну, а днем все меньше страху у человека бывает, да и чудовище оказалось не больше кошки.

Что же бы вы думали? Зверь, как следует, зверь, а морда-то у него утиная.

Совсем настоящий утиный нос, только в пропорции с его, значит, туловищем.

Придавил я его со страху, должно быть, сильно: сразу же умер.

Гляжу это я на него и диву даюсь. Шкура звериная, хвост широкий и весь в шерсти, лапы хоть и короткие, а настоящие, с пятью пальцами, только с перепонками между ними.

Особенно на передних большая перепонка, даже за когти выступает.

Значит, чтобы плавать ему было лучше.

На задних ногах тоже перепонка, только покороче; а выше пальцев растёт шпора, как у петуха, только не такая прямая.

Ну, а морда, я вам скажу, одно удивление! Как есть утиный клюв!

Крючок-то мой вошел ему в язык. А язык шершавый, все равно как терка.

В жизнь не слыхивал про такое чудовище! Наполовину утка, а наполовину зверь!

Даже про еду забыл — все глядел, глядел на эту диковинку. А потом только сообразил, что это мне счастье привалило.

Слышал я раз, что один фермер птичку маленькую убил. Так за нее в Англии ему тысячу рублей дали.

Ну, думаю, ежели за птичку тысячу рублей дали, так за мое чудовище сколько должны дать?

Содрал я шкуру с него, и не стал больше работы искать. Решил в Сидней притти поскорей, чтобы матросом или кочегаром каким на пароход поступить.

Поеду в Англию и там уже самолично продам свое чудовище!

А пока что, перебиваюсь кое-как.

Не удастся на пароход поступить, через три месяца денег заработаю на билет—пассажиром поеду! А уж оттуда, с деньгами, легко и до России доехать.

Только, знаете, никому не говорите про то, что я вам рассказывал.

Еще не успел разбогатеть, а беспокойство в душе постоянное имею.

Пойдешь на работу, думаешь, как бы кто мое чудовище не украл, мыши или черви шкурку не попортили...

Раздумаешься так иной раз до того, что, кажется, готов в море закинуть шкурку — так тошно станет!

Ну, а потом сообразишь, что это пока ее не продал, а когда деньги в банк положишь, то и спокойствие на душу опять придет. Богатство за плечами не носить!

Знаете, я вам покажу это чудовище, чтобы вы не подумали, что я вру.

— О нет, я не сомневаюсь в справедливости вашего рассказа, но, конечно, я

664935

Российская государственная
детская библиотека

с большим удовольствием погляжу на ваше чудовище,—ответил я, чувствуя, что проститься с ним, не сказав ему ничего о чудовище, я не могу.

Поговорив еще немного, мы условились с ним о времени нашего свидания и разошлись.

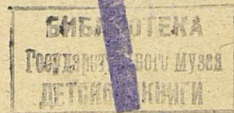
Теперь беспокойство души моего нового знакомого, Сидора Ивановича, передалось мне.

Я находил свое положение очень неловким,

Дело в том, что, судя по его описанию,—чудовище—хорошо известный уже больше ста лет тому назад—так называемый утконос.

Правда, странная внешность утконоса поставила втупик не одного только Сидора Ивановича, но и ученых; и особенно потому, что в то время над утконосом не было сделано верных наблюдений, а приходилось

принимать на веру те сведения, которые получались от дикарей или от поселенцев.

А дикари утверждали, что утконос, будто бы, кладет яйца, как птица.

Как это совместить?

Что-нибудь одно: если это зверь, то все звери — млекопитающие, в этом их отличие от рыб. Кит, дельфин, дюгонь, ламантин, хотя и похожи на рыб и живут в воде, но рождают живых детенышей и кормят молоком, поэтому их относят к зверям, а не к рыбам, которые мечут икру.

Яйца кладут птицы и пресмыкающиеся, но к птицам утконоса отнести нельзя, так как у него четыре лапы с когтями; летать он не может и, не будь у него утиного носа, он был бы настоящим зверем.

Нельзя его отнести и к пресмыкающимся. Те, хотя и кладут яйца, но имеют голую кожу, а не шерсть. Утиного клюва ни у змей ни у ящериц нет.

Можно было бы легко решить, что дикари ошибаются, и, если им и случалось находить в норах у утконоса яйца, то, по всей вероят-

ности, это были яйца не его, а какого-нибудь пресмыкающегося.

Таким способом вопрос был бы решен, и утконос, хотя и с птичьим клювом, считался бы зверем.

Но странная наружность невольно заставляла подозревать возможность и других странных свойств у утконоса.

Дальнейшие исследования над утконосами открыли, что у них имеются железы, из которых выделяется молоко, — но сосцов у утконосов нет, а вместо них английский ученый Овен нашел, что каждая железа имеет больше ста отверстий на коже.

Это открытие совсем утвердило ученых, что утконосы — млекопитающие и поэтому не могут класть яйца.

Один ученый, Беннет, еще в 1832 году поехал в Австралию, чтобы лично самому наблюдать над жизнью утконосов и добыть верные сведения.

Он сделал много наблюдений над утконосами. Узнал, что они живут в норах по берегам рек.

Раскопал много нор и нашел, что вход в нору идет под водой, потом поднимается выше воды на аршин—два; логовище у них с подстилкой из речных трав, а еще выше идет отдушина, которая выходит на сухое место.

Норы они роют длинные, до 8 сажен.

Беннету удалось добыть из норы одного утконоса живым, но, к несчастью, утконос убежал из ящика.

Настойчивый ученый, однако, не успокоился и не примирился с такой неудачей, а вновь поехал в Австралию, чтобы еще раз попытать счастья и привезти живых утконосов в Европу. На этот раз он сделал еще больше ценных наблюдений над их жизнью и добыл двух молодых утконосов.

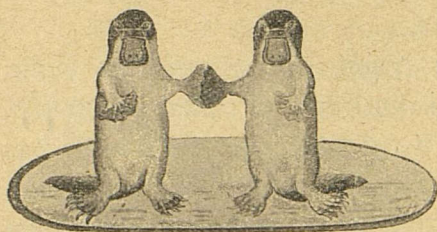
Однако, привезти их в Европу ему опять не удалось: через неделю утконосы издохли.

Его сын продолжал наблюдения над жизнью утконосов; однако и сыну, как и отцу, не удалось узнать, как рождаются утконосы.

Открытие это выпало на долю Кальдвелля, лет около тридцати тому назад. Он подтвердил справедливость невероятного события, что зверь на четырех ногах несет яйца и высиживает их в своем логовище.

Яйца эти имеют мягкую скорлупу белого цвета. Детеныши выходят из яиц голыми и слепыми. Но питаются они, действительно, молоком.

Открыли и еще одну особенность утконосов, а именно то, что у молодых утконо-

сов есть 8 зубов, и эти зубы очень похожи на зубы древних вымерших животных, кости

которых находят в Европе.

С возрастом зубы стираются, выпадают и заменяются роговыми пластинками, спереди острыми, а сзади—широкими.

Пластинки гораздо лучше, чем зубы, служат утконосам для того, чтобы хватать водяных насекомых, червей и ракушек, которых утконос добывает на дне рек, роясь, подобно уткам, в иле.

Утконосы ведут очень скрытный образ жизни. Днем они обыкновенно спят в норе и лишь к вечеру идут в реку, ползают там по дну и отыскивают пищу, поднимаясь на поверхность лишь затем, чтобы подышать немного и с'есть ту добычу, которую они спрятали в защечных мешках,

Но если водяной образ жизни создает большие затруднения наблюдать их, то убить утконоса не очень хитро.

Австралийские дикари умудрялись убивать их для еды копьями, а белые без особого труда убивают их из ружей.

В тихих заводях, где растет много болотной травы, охотники ждут сумерек или раннего утра, когда утконосы отправляются на поиски пищи. Под водой утконосы могут пробыть не больше семи минут.

Когда же темное туловище показывается на поверхности, охотники бросают копье или стреляют из ружья.

Поселенцы за ними почти не охотятся. Мясо утконосов считается несъедобным, вследствие сильного рыбного запаха.

Шкурка его в дело не идет.

Охотятся за ним лишь те немногие дикари, которые еще остались в Австралии, так как они находят мясо утконосов вкусным.

Во многих европейских музеях я видел чучела утконосов...

Все это убеждало меня, что шкурка утконоса Сидора Ивановича не представляет большой ценности.

Но как быть? Чем больше я думал, тем больше приходил к заключению, что я должен разрушить надежды Сидора Ивановича на обогащение.

Допустить, чтобы он поехал в Англию, где, быть может, он получит за свою драгоценность каких-нибудь десятка два-три рублей,—невозможно!

Для многих людей сделаться богатыми—единственная цель жизни.

И большинство людей, которые приезжают в Австралию, только и думают об этом.

Такие люди и жизнь свою ценят на гроши. Нет денег—не нужно жизни! Самоубийство, а чаще убийство и всякие другие пороки,—являются неизбежными спутниками людей с такими мыслями.

Если Сидора Ивановича постигнет неудача в Англии, то он может наделать много непоправимых глупостей.

Но сказать ему правду—тоже вещь очень неприятная. Однако решиться на это нужно, и я начал обдумывать, как бы менее болезненно для Сидора Ивановича выполнить свою задачу.

Рассказать ему все, что я знал об утконосах, я считал неудобным.

Человек не знает меня и может подозревать, что я говорю ему неспроста. В его душу уже проник яд богатых — подозревать всех в обмане и воровстве.

Нужно сделать так, чтобы не я вразумил его, а кто-либо другой. И хотя я не имел в Сиднее никого знакомых, но эта правильная мысль заставила меня думать о том, как ее осуществить.

Много я думал и только перед самым приходом Сидора Ивановича я нашел путь осуществить ее.

Сидор Иванович пришел раньше назначенного времени на целые полчаса.

— Ну, вот хорошо, что я застал вас. Задержался я и думаю — если пойду теперь

домой за чудовищем, а оттуда к вам — на час, а то и больше, опоздаю.

А вы подумаете, что я обманул вас, и не станете ждать меня. И решил сразу к вам притти. Если можете ждать, я пойду сейчас домой, чтобы принести чудовище, а нет — в другой раз принесу.

— Зачем вам взад и вперед лишний раз ходить? Это утомительно, а сегодня мне хотелось посмотреть зоологический музей. Вы были в нём?

— Нет еще!

— Что вы? А говорят — он очень хорош! Знаете, что мы сделаем. Пройдемте вместе, осмотрим музей, а потом я к вам пойду и посмотрю на ваше чудовище.

— Ну, что же, еще лучше! Если я вскорости из Австралии уеду, то нужно и мне поглядеть, каков этот самый музей.

— Вот и отлично! Так пойдем, — сказал я, обрадованный оборотом дела, а главное тем, что мне не пришлось увидеть чудовище Сидора Ивановича и не говорить о нем пока ни слова.

Естественно - научный музей Сиднея представляет роскошное громадное здание. С такой же, если не большей похвалой, можно отозваться и о его коллекциях.

Сейчас же при входе, с левой стороны, открывались залы с животными Австралии.

Я увлек туда своего спутника и, осмотрев, в каком порядке идут звери, постепенно начал направляться к классу так называемых однопроходных, представителем которых в настоящее время служат только утконос и ехидна.

Тут я немного задержался над осмотром ехидн, предоставляя самому Сидору Ивановичу первому увидеть утконосов.

Его удивление было неописуемо.

— Смотрите, смотрите,—закричал он.— Мое чудовище! Оно, как есть оно, действительно. Вот так чудо!

— А я думал... да, действительно... а-а...—протянул он разочарованно.

— По-русски он называется утконос,—сказал я.

— А я думал, что, кроме меня, ни у кого такого нет, а тут их вон сколько.

— Да, тут их много, и все разных оттенков: есть почти черные, а есть и светло-бурые, — подтвердил я замечание Сидора Ивановича.

Восклицание и оживление Сидора Ивановича привлекло внимание сторожа музея. Он подошел к нам и заговорил.

— Удивляетесь, что такие звери водятся? Да, да, только у нас в Австралии живут они! В других частях света нет! Самые замечательные звери Австралии. Наполовину зверь, наполовину птица, а по жизни — рыба.

— И много их водится в Австралии? — спросил я.

— Для тех, кто знает, где они водятся, — много, а для тех, кто не знает, — и вовсе нет, хоть всю жизнь будет в Австралии жить.

— Значит, они живут только в некоторых местах Австралии?

— Нет, они живут всюду, где есть вода: на ручьях, речках.

— Вы говорите, что их много,—значит, утконос не редкий зверь?—спросил я, стараясь подчеркнуть эту мысль в голове у Сидора Ивановича.

— Для того, кто знает,—много. Мы недавно с профессором ездили на три недели—десять штук добыли!

— Так много?—удивился я.

— Больше добыли бы, если бы захотели! Мы-то знаем, как за ними охотиться,—с торжеством заявил словоохотливый сторож и пространно начал рассказывать про свою совместную с профессором охоту на утконосов.

Я, в свою очередь, своими вопросами еще больше вызывал его на рассказы. Сидор Иванович менялся в лице, крутил пальцы, пытался улыбаться, но улыбка выходила жалкая... Жаль было беднягу, который все свое благосостояние и будущность построил на убитом утконосе!

С большим удовольствием я сунул сторожу шиллинг (50 копеек) на чай и потащил Сидора Ивановича.

-- Сидор Иванович, пойдете в сад и отдохнем,—предложил я ему, видя, что теперь моему спутнику совсем не до того, чтобы осматривать музей.

Он покорно согласился, и мы вышли из музея, перешли улицу и отправились в городской сад.

— Кончено дело,—сказал он, опускаясь на скамейку.

— Какое дело?—спросил я.

— Мое дело с утконосом! Нечего мне, значит, в Англию ехать. Разбогател дурак от глиняных горшков. Еще богатство в руки не попало, а уж как запачкал себя! Каждого своего знакомого, хозяев квартирных так и пронизывал своим взглядом: украдут они моего утконоса или нет? И в каждом человеке вора стал видеть!

— Все дрожал над своим богатством; на работу пойдешь,—боишься, как бы не украли; ночью проснешься, эти же думы в

голову лезут! Скаредом стал, самую что ни на есть плохую пищу ел. От товарищей отстранился. Как же, компанию с миллионщиками хотел водить! А вот я сейчас пойду домой и закину в море утконоса,—неожиданно закончил он самообличение.

— Что вы, что вы,—сказал я, удерживая Сидора Ивановича.

— К чему это делать!

— К чему? А к тому, чтобы и звания не было подлости моей! Чтобы я не только видеть, а и вспоминать бы не мог о ней!

Я с трудом усадил его на скамейку и часа два успокаивал его.

Порешили на том, что, когда я вернусь в Европу, то узнаю, за какую цену можно продать шкуру утконоса, и напишу об этом Сидору Ивановичу.

Еще два раза до своего от'езда я виделся с Сидором Ивановичем.

Он совсем успокоился и примирился с потерей своего богатства.

Решил опять итти на ферму, не рассчитывая уже на случайное обогащение.

b

ЦЕНА 12 коп.

100 =

Адрес издательства

Кузнецкий мост, 13. Тел. 4-82-73

Адрес магазина

Никольская, 12. Тел. 82-33

Центральный книжный склад

Лубянский пассаж, пом. 25—30

Тел. 3-45-04

— 29 июл 1972